

Вырезка из газеты

18 ОКТ 1987

ТРУД

г. Москва

С НАРОДНЫМ артистом РСФСР Евгением Евстигнеевым мы встретились на его «рабочем месте» — во МХАТе.

— Честно говоря, у меня нет времени для долгого разговора, — начал он. — Да и сколько уже было этих интервью! Боюсь, ничего нового я не скажу. Но давайте попробуем...

— Евгений Александрович, зрители знают вас как актера яркой индивидуальности. А что это такое, по вашему мнению, — творческая индивидуальность?

— Для меня это то, что естественно, что само собой разумеется, что дано человеку от природы. Любому. Если я, актер, буду делать то, что мне не свойственно, у меня и не получится.

— Значит, надо прежде познать самого себя? Древние греки говорили, что это самое трудное.

— Так ведь это и есть творческий процесс: всю жизнь познаешь самого себя — и ошибаешься. Индивидуальности, если хотите, в чистом виде нет. Сюда входят и воспитание, и понятие гражданственности, и эстетические взгляды, и многое еще. Собрать эти компоненты воедино — занятие на всю жизнь. Как ни говори о себе: я такой-сякой, никто не поверит, пока не докажешь делом.

— А на какой основе артисту легче выявить эту таинственную индивидуальность? В пьесе или фильме, где характер персонажа проработан детально или только обрисован контур и есть возможность многое додумать?

— Тут не может быть двух мнений: придумывать можно только на основе хорошего литературного материала. Если характер тонко выписан драматургом, то и моя актерская фантазия работает. А если роль схематична, мучаешься, придумываешь, как бы своего героя оживить, сделать на человека похожим. Порой так и бывает: автор намечил лишь идею, а жизни нет,

нет конфликтных ситуаций, мало-мало психологических мотивировок. Здесь актеру в сто раз труднее.

— Вас судьба не обделила хорошей драматургией. У вас были роли в «Голом короле» Евгения Шварца, «Вечно живых» и «Традиционном сборе» Виктора Розова, в трагедии Леонида Зорина «Декабристы», в горьковском «На дне», в «Назначении» Александра Володина. И это только в «Современнике», а не го-

на «Мы, нижеподписавшиеся» я играю председателя комиссии Девятова — «железного» в своей бескомпромиссности человека. Но даже и такой «железный» Девятов в чем-то может вызвать улыбку. Не умеет он тост сказать, когда просят. Ну и что? Художник должен подмечать в человеке любой штрих.

Понимаете, для меня смех — не самоцель: мне нужен характер.

это будет кокетство. Поэтому лучше не буду совсем отвечать.

— Было ли у вас, Евгений Александрович, хоть раз ощущение, что вы достигли в какой-нибудь одной роли вершины и дальше двигаться некуда?

— Удовлетворен бывал. Но откуда как раз следует, что надо доделать. Когда собой доволен, создается положительная эмоция. Вот тогда самая работа. А если ос-

не хочу сказать, что актер должен стремиться к полной неузнаваемости, чтобы зритель каждый раз ахал: «Да неужели это он?!» Нет, дело не во внешнем перевоплощении. Жан Габен всегда Жан Габен. Надо, не теряя своей индивидуальности, раскрывать характер персонажа. Много можно говорить о том, что такое новое. Новые обстоятельства, новый образ... Но все равно это ты: характер растет из тебя. Ты только ищешь средства выражения, на то оно и творчество. А творчество — дело живое, порой доходящее до баловства, что отнюдь не противоречит серьезному искусству.

— Вы любите ошеломлять зрителя или предпочитаете идти от того, к чему зритель привык, чего он ждет от актера?

— Это две стороны одной медали. Надо показывать то, что от тебя ждут, но показывать неожиданно. Неожиданность — непременная часть творчества. Зритель много знает, но надо дать ему «знакомые неожиданности». Артист, что он делает? Он своим языком рассказывает о себе. Если не о себе, а о роли — это мало, он не делает того, что должен. Профессия актера уникальна, как профессия писателя, музыканта, только каждый работает своими средствами.

К сожалению, среди актеров есть такие люди, которые все понимают, но выразить не могут. Тут одного ума мало, нужен актерский талант: голос, движения и еще нечто, что создает большого артиста. В нечто входят гражданская суть человека, умение болеть, ненавидеть, радоваться, эстетическое содержание, вкус и еще масса того, что составляет современного актера. Актер всерьез, по-крупному болеет за все происходящее в театре, в своей профессии, в стране, дома, у друзей. Он всматривается в глубину, в диалектику добра и зла, в красоту искусства...

Беседу вела С. НОВИКОВА.

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

ЕВГЕНИЙ ЕВСТИГНЕЕВ

ворю о нынешнем мхатовском репертуаре. Но мне кажется, что большинство зрителей запомнили вас больше в ролях комических. А когда вы выходите на сцену в роли неkomедийной, бывает ли у вас ощущение, что зритель улыбается, как только вы появляетесь на сцене? Что он ждет смешного?

— Я не комик. И думаю, что зритель ждет не смешного, а остроты. В жизни много комичного, надо только ее пристально наблюдать, уметь понять и передать — и комедийность ее, и трагичность. Театр, как, впрочем, и другие виды искусства, движется по пути проникновения в жизнь.

Просто смешное для меня неинтересно. Рассказать анекдот со сцены или у кинокамеры я не умею, это не мой профиль. Я ищу крупный смех, а они рассыпаны в любом характере. В пьесе Гельма-

Вот Адамыч из пьесы Рошина «Старый новый год»: фигура поистине народной доброты, юмора и в то же время темная. Жажда общения и доброта в нем колоссальны, однако же и выпить любит недурственно. Непонятно, что за тип: то ли из рюмочной вышел, то ли с неба спустился.

— «Артисты ненасытны и жаждут громких и частых похвал», — говорил Бернард Шоу. Как вы относитесь к...

— Для себя я выработал правило: не ходить с протянутой рукой, ни от кого не ждать похвал: ни от зрителей, ни от коллег. Вы цитировали Шоу, а я обращаюсь к Пушкину: «Ты сам свой высший суд, всех строже оценить сумеешь ты свой труд».

— Часто ли бываете недовольны собой?

— Если сказать «почти всегда»,

комина — работать трудно, держишься на порядочности. В кино актер снялся и пошел — для него работа на этом окончена. Дальше работает режиссер: отбирает дубли, монтирует. В театре работа над ролью у актера никогда не кончается. Спектакль идет — и все глубже входишь в образ, становишься на сцене все свободнее и свободнее. Наступает второй виток, второе дыхание: больше импровизируешь, «купаешься в роли».

— Не можете ли вы сформулировать, пусть кратко, свою основную задачу как актера и педагога мхатовской школы?

— Мы призываем и себя, и других делать в театре новое. Вот таким новым среди своих ролей я считаю образ Девятова в пьесе Александра Гельмана «Мы, нижеподписавшиеся». Здесь новизна не на поверхности, а в глубине. Я